

Изъ общественной и литературной хроники Запада.

Журналистика ведетъ ко всему.—Баронеты и рыцари пера въ Англии.—Журналистъ Брюнетьеръ—членъ французской академіи.—Его система критики.—Законъ эволюціи въ примѣненіи къ французской критикѣ.—Реакція противъ научной критики.—Различное пониманіе критики.—Миссія критики по Брюнетьеру.—Искусство — одна изъ формъ религіи.—По поводу памятника Теофрасту Ренодо.—Его филантропическая дѣятельность.—Первая французская газета.—Первый журналистъ—благодѣтель человѣчества.—Вѣна, какъ мѣсторожденіе журналистики.—Назначеніе и власть газеты.—Безъ прессы жить невозможно.—Первые зачатки журналистики.—Страсть къ новостямъ въ XVI и XVII вв.—Наемные репортеры прошлаго.—Рукописныя газеты.—Печатные бюллетени.—Первыя ежедневныя газеты.—Статистика журналистики на земномъ шарѣ.—О выборѣ лучшихъ книгъ.—Составленіе идеальной библіотеки по плебисциту публики.—Результаты голосованія „Revue bleue“ о 25 лучшихъ книгахъ.—Жюль Леметръ о предпочтительности тѣхъ или другихъ книгъ.—Золотыя мечты сливокъ человѣчества объ идеальномъ человѣкѣ.—Пессимизмъ Модсли и оптимизмъ Мантегацци.—Повальное пародированіе изреченія «здоровый духъ въ здоровомъ человѣкѣ».—Необходимость великодушія для идеальнаго человѣчества.—Ребачества знаменитостей въ сужденіяхъ о людскомъ совершенствѣ.—Романическая исторія преступника Рустава и его самоубійство.

Вильмесанъ, основатель „Figaro“, сказалъ нѣкогда, что „журналистика ведетъ ко всему, лишь бы уйти изъ нея“. Теперь это подтверждается тѣми почестями и отличіями, какими офиціально жалуются журналисты въ Европѣ. Въ Англии, напр., журналистика ведетъ къ очень многому, уходишь ли изъ нея или остаешься въ ея рядахъ. Въ нынѣшнемъ Гладстоновскомъ кабинетѣ есть такой членъ, который прямо изъ-за письменнаго стола журналиста попалъ въ министры. Это статсъ-секретарь по ирландскимъ дѣламъ Джонъ Морлей. Изъ тѣхъ же, которые не пожелали бросить журналистику, многіе въ Англии повышены на поприщѣ общественныхъ ранговъ. Еще недавно, по случаю тезоименитства королевы, нѣсколько журналистовъ сдѣланы баронетами и рыцарями (knights). Титуль баронета наследственный. Поэтому онъ пригоденъ только людямъ болѣе состоятельнымъ. Необладающіе достаткомъ получаютъ титуль рыцарей, который не переходитъ въ потомство, хотя онъ древнѣйшій изъ всѣхъ англійскихъ дворян-

скихъ титуловъ, ибо самъ Альфредъ Великій возводилъ своего сына въ рыцари, какъ и теперь это дѣлается: королева фактически ударяетъ мечемъ жалуемаго ею достоинствомъ рыцаря. Но въ обыденномъ употребленіи между баронетами и рыцарями нѣтъ различія: тѣ и другіе одинаково именуются „пэрами“, а жены ихъ „лэди“.

* * *

Во Франціи журналисты допускаются даже къ „безсмертію“, т. е. попадаютъ въ члены французской академіи, что считается тамъ наивысшимъ литературнымъ отличіемъ. Недавно такой чести удостоился журналистъ Брюнетьеръ—критикъ „Revue des deux mondes“. Этотъ 44-лѣтній критикъ успѣлъ уже выработать свою систему анализированія литературныхъ произведеній, которая состоитъ въ примѣненіи Спенсеровой теоріи эволюціи къ исторіи литературы, о чемъ даетъ полное понятіе его собраніе лекцій въ „Ecole normale“ въ сборникѣ подъ заглавіемъ „L'évolution des genres littéraires“. Правда, критика есть споръ искусство, чѣмъ какая либо особая наука. Всякая наука берется предсказывать. Астрономъ, напр., умѣетъ напередъ рассчитать, какія перемѣны должны произойти въ свѣтилахъ небесныхъ, а критикъ не можетъ извлечь изъ состоянія прошлаго и настоящаго литературы ни малѣйшихъ догадокъ насчетъ будущихъ перемѣнъ вкуса. Но, съ другой стороны, историкъ искусства устанавливаетъ общій законъ эволюціи, который можно прослѣдить, положимъ, въ исторіи музыки отъ народной пѣсни до Вагнеровской оперы, или въ исторіи романа, отъ восточнаго баснословія до крайняго разнообразія современныхъ романовъ, иногда такъ вѣрно отражающихъ многосторонніе горизонты жизни.

Тѣмъ легче наблюдаешь эти послѣдовательныя превращенія, когда изучаешь каждый въ отдѣльности родъ литературы и прослѣживаешь его особое развитіе. Брюнетьеръ не только намѣтилъ себѣ методъ, но и показалъ его примѣненіе въ своихъ публичныхъ бесѣдахъ объ „Эволюціи французскаго театра“, въ своихъ чтеніяхъ объ „Эволюціи лирической поэзіи въ XIX вѣкѣ“. Рядъ статей его на эту тему напечатанъ въ послѣднихъ №№ „Revue bleue“. Этотъ методъ требуетъ сравнительнаго изученія литературъ.

Исторія французской критики показываетъ, что и къ ней приложимъ тотъ же законъ эволюціи. У Монтэня и Байля критика остается еще неопредѣленной, выдающейся въ эрудицію, біографіи писателей и въ анекдотичность. Ла-Гарпъ

судить о всемъ по классическимъ теоріямъ объ абсолютно прекрасномъ. Поле французской критики расширяется лишь отъ знакомства съ иностранными литературами—у г-жи де-Сталь, Шатобріана, Вильмэна. Сентъ-Бёвъ заимствуетъ приемы своей критики изъ естествознанія, возсоздаетъ личности въ мельчайшихъ подробностяхъ, опредѣляетъ отношенія между индивидуальностью творчества, произведеніемъ автора и окружающими его обстоятельствами. По Тэну, все это замѣнилось „средой“, а исторія литературы представляется однимъ изъ самыхъ важныхъ документовъ для познанія психологіи народа.

Нововведеніе Брюнетьера состоитъ въ томъ, что онъ изучаетъ въ литературномъ творествѣ преимущественно вліяніе момента. Величайшій геній есть не только продуктъ своего народа и своего времени, какъ это утверждаетъ по Тэновской теоріи „расы“ и „среды“; онъ есть также продуктъ накопленной суммы мыслей и произведеній, ему предшествовавшихъ. Вліяніе предшествовашаго творчества на любое поколѣніе писателей значительно. Они проявляютъ свою оригинальность, они нерѣдко ищутъ путей противоположныхъ тѣмъ, по какимъ шли съ успѣхомъ ихъ непосредственные предшественники; но это самое исканіе новаго опредѣляется творчествомъ предшественниковъ. „Въ каждый моментъ своей продолжительности, — говоритъ Огюсть Контъ, —человѣчество складывается болѣе изъ мертвыхъ, чѣмъ изъ живыхъ“. Мы какъ бы прикованы къ мысли о покойникахъ, также какъ мы—узники темперамента, переданнаго намъ предками. Это вліяніе прошлаго—по замѣчанію Бурдо,—можно сравнить съ вліяніемъ наслѣдственности въ біологіи. Такимъ образомъ Брюнетьеръ примѣняетъ къ развитію литературныхъ произведеній теорію не только Спенсера, но и Дарвина. Измѣненія литературныхъ жанровъ, по его мнѣнію, совершаются подобно измѣненіямъ животныхъ видовъ, путемъ наслѣдственности, разнообразія, естественнаго подбора, борьбы за существованіе, долговѣчности болѣе приспособившагося къ жизни. Вотъ сколько дарвиновскихъ формулъ! Конечно, ихъ надо понимать только въ смыслѣ чисто метафорическомъ.

* * *

Кстати отмѣтить, что такое строгое примѣненіе научныхъ приемовъ даже терминовъ къ литературнымъ произведеніямъ возбуждаетъ уже своего рода реакцію. Противъ пользованія научными методами внѣ области чистой науки горячо протестуетъ Анжеллье въ предисловіи къ простран-

ному этюду о Робертѣ Бёрнсѣ. По мнѣнію Анжелле, совершенно напрасно тратить трудъ на попытки объяснить таинственное бытіе генія. „Пора вернуть вещамъ ихъ обширную сложность, ихъ необъяснимую запутанность и ихъ кажущіяся противорѣчія. Другой французскій сторонникъ эстетической критики и ярый противникъ научной критики, Дрозъ, въ своей брошюрѣ „La Critique littéraire et la Science“ готовъ даже воспретить самое употребленіе техническихъ терминовъ, которыхъ Лейбницъ совѣтовалъ избѣгать, какъ „ехиднъ или бѣшеныхъ собакъ“. Дрозъ желалъ бы вычеркнуть изъ словаря честныхъ людей всякіе термины вплоть до слова „психологъ“, и уже по этому примѣру можно судить о непримиримости этого эстетика. Короче сказать, такіе критики, какъ Анжелле и Дрозъ, суетности сужденій предпочитаютъ способность чувствовать и любить. Съ произведеніями искусства случается тоже, что съ любовью: какъ скоро начинаешь ихъ сравнивать, такъ и прекращается восхищеніе ими.

Вообще критика въ новѣйшія времена понимается весьма различно. Бурже анализируетъ впечатлѣніе, производимое даннымъ сочиненіемъ на его чувствительность. Фагэ въ мысляхъ писателя старается выдѣлить внутреннюю логику. Анатолю Франсу передаетъ читателю о „приключеніяхъ своей души среди шедевровъ“. Жюль Леметръ въ современныхъ пьесахъ отыскиваетъ отраженіе подвижнаго образа новѣйшаго измѣнчиваго общества. Для Вогюэ всякая книга служитъ поводомъ къ возвышеннымъ размышленіямъ.

Критика Брюнетьера вполне гармонируетъ съ его призваніемъ. Онъ историкъ и діалектикъ, любитъ обобщенія и широкія перспективы. Онъ ратуетъ противъ индивидуализма и интеллектуальнаго эпикурейства. Онъ пытается доказать, что критика обязана судить. Подъ этимъ разумѣются не безапелляціонныя сужденія, а умѣнье, по замѣчанію Сентъ-Бёва, „находить относительное въ каждой вещи“. Она обязана классифицировать произведенія не по правиламъ слишкомъ узкимъ, а какъ желалъ Тэнъ—по ихъ благотворному характеру. Наконецъ, Брюнетьеръ, увлекаясь исторіей, составилъ себѣ весьма высокое понятіе о важности изученія французской литературы. Миссія историка и критика, по его мнѣнію, заключается въ непрерывномъ охраненіи и обновленіи „культы шедевровъ, которые суть общія сокровища расы, свидѣтельствующія, изъ вѣка въ вѣкъ, послѣдующимъ поколѣніямъ о древности, величій и прочности отечества“.

Тогда какъ интересы, вѣрованія, идеи, раздѣляютъ людей другъ отъ друга, искусство связываетъ ихъ между собой. „По мѣрѣ того, какъ религіи, кажется, теряютъ почву, остается одно только искусство, чтобъ служить противовѣсомъ демократическимъ и утилитарнымъ тенденціямъ нашихъ современныхъ цивилизацій, чтобъ поддерживать между нами симпатію и нравственную возвышенность“. Такимъ образомъ выходитъ, что искусство, вслѣдствіе эволюціи отдѣлившееся отъ религіи, въ свою очередь стремится, въ своихъ возвышеннѣйшихъ проявленіяхъ, сдѣлаться одной изъ формъ религіи.

* * *

Настоящимъ торжествомъ для журналистики явилось чествованіе памяти отца французской журналистики Теофраста Ренодо, которому въ Парижѣ только что открыта статуя. Этотъ первый журналистъ былъ человѣкъ весьма замѣчательный. Уроженецъ Луденя (1575 г.), онъ, по окончаніи медицинскаго факультета въ Монпелье, совершилъ поѣздки въ Италію, Голландію и, кажется, еще въ Англію. Затѣмъ онъ въ Парижѣ изучалъ химію. Въ столицѣ Франціи его поразила нищета, попадавшаяся ему на каждомъ шагу. Толпы нищихъ изъ бывшихъ солдатъ требовали милостыни съ оружіемъ въ рукахъ. Hôtel-Dieu, гдѣ дѣти умирали у грудей голодныхъ матерей, была переполнена больными, погибавшими отъ тифа. Тогда-то у Ренодо и зародилась мысль о необходимости избавить несчастныхъ отъ нищеты при помощи труда. Между тѣмъ Ренодо изъ Парижа переселился въ свой родной городъ. Тамъ онъ скоро приобрѣлъ извѣстность, какъ врачъ, но не переставалъ работать надъ своимъ самообразованіемъ. Тамъ же близко узналъ его Ришелье, впоследствии знаменитый кардиналъ—государственный человѣкъ. Послѣ смерти Генриха IV Ренодо въ 1610 г. былъ приглашенъ ко двору. Уже въ 1611 г. ему дана была королевская грамота, предоставлявшая ему право примѣнять на дѣлѣ все, что онъ считалъ нужнымъ для блага бѣдняковъ, найденышей и больныхъ. Но на дѣлѣ филантропъ встрѣтилъ для себя большое препятствіе въ злой волѣ парижскаго полицейскаго префекта и потому снова вернулся на родину, гдѣ продолжалъ заниматься врачебной практикой.

Прошло 14 лѣтъ и только тогда онъ могъ осуществить свои благотворительныя идеи. Ришелье въ это время достигъ высшаго могущества и по одному его слову устранялись всякія препятствія филантропическимъ стремленіямъ своего протеже. Для избавле-